

В конце концов Ань Жань не забрала с собой маленькую Си.

Не потому, что не хотела, — не смела.

Брошенная Сыту Яо фраза о том, что она больше не желает видеть в её руках ничего недостойного, словно невидимый запрет прочно впечаталась в её сознание. Ань Жань боялась. Боялась, что этот её незначительный поступок снова разгневает ту непостижимую женщину и навлечёт на неё ещё более невыносимые последствия.

Уходя, она лишь подошла и своей белой юбкой смахнула пыль с потёртого старого футляра.

Прости, — тихо прошептала она, словно прощаясь с уходящим в дальний путь старым другом.

Затем, не оглядываясь, она прижала к груди «Дюпор», стоимость которого позволяла купить целое здание, и вошла в лифт.

Она не знала, что менее чем через десять минут после её ухода в эту репетиционную бесшумно вошёл Чэнь Мо в сопровождении двух сотрудников в белых перчатках.

Он бросил взгляд на старый футляр в углу, а затем хладнокровно отдал приказ тем, кто стоял за его спиной.

Убрать.

Слушаю, адвокат Чэнь.

Прошлые Ань Жань — бедное, но свободное — вот так просто, как вещь, недостойную её, стёрли до конца, без единого звука.

В последующие дни в жизни Ань Жань начались поистине жуткие перемены.

Каждый её день был расписан по минутам.

Ровно в восемь утра личный водитель Сыту Яо появлялся у её подъезда и отвозил в частную репетиционную в Центре Юньдин.

В половине первого дня повар из вчерашнего элитного клуба привозил в термобоксе изысканный обед с идеальным балансом питательных веществ и вкуса.

В пять часов вечера снова приезжал водитель и отвозил её домой.

Она словно превратилась в запрограммированную куклу, что каждый день двигалась по проложенному Сыту Яо маршруту из двух точек: от квартиры до репетиционной.

Ей больше не нужно было ходить в оркестр. Дирижер Ван сообщил, что госпожа Сыту уже оформила ей бессрочный отпуск, чтобы она могла полностью сосредоточиться на подготовке к выступлению в качестве нового звездного солиста. Зарплату и премии оркестр выплачивал вовремя, до последней копейки переводя на её карту.

Ей даже не нужно было самой ходить по магазинам и готовить. Когда она, набравшись храбрости, собралась пойти в супермаркет с безлимитной чёрной картой, выданной Сыту Яо, то обнаружила, что опустевший прежде холодильник в её квартире уже до отказа забит отборными, тщательно подготовленными продуктами.

Клубника оказалась японской сортов дайсюэ, молоко — новозеландским премиальным а-два, даже питьевая вода превратилась в фиджийскую вулканическую минералку.

Сыту Яо, подобно вездесущему призраку или управляющему всем божеству, мягко и ненавязчиво, капля за каплей пропитывала своей волей каждую трещинку в жизни Ань Жань.

Ань Жань пыталась сопротивляться.

Она пробовала сказать водителю, что сегодня хочет отдохнуть и не поедет в репетиционную.

Водитель лишь вежливо улыбнулся, плавно припарковал машину у входа в Центр Юньдин, открыл для неё дверь и жестом пригласил выйти, пока она, смирившись, не покинула салон.

Она пыталась сказать повару, что сегодня хочет поесть острый хот-пот.

Повар лишь виновато поклонился и открыл термобокс — внутри по-прежнему находились научно сбалансированные, лишённые любых резких вкусов изысканные блюда. Зато в тот же вечер в её холодильнике появилась порция острого хот-пота с благородным бостонским омаром в качестве главного ингредиента, приготовленная лично шеф-поваром ресторана, отмеченного тремя звёздами Мишлен.

Любое её требование исполнялось.

Любое её сопротивление сводилось на нет.

Это ощущение угнетало сильнее, чем прямое заключение под стражу, потому что она даже не могла найти повода выплеснуть гнев. Сыту Яо всегда давала ей самое лучшее, выступая с позиции заботы, против которой невозможно возразить.

Ань Жань чувствовала себя муравьем, которого закармлили сахарными кубиками: эта чересчур приторная забота намертво приклеила её к месту, лишив возможности пошевелиться.

Единственным утешением оставался лишь прижатый к груди «Дюпор».

Эта легендарная скрипка словно обладала истинной магией. Стоило пальцам Ань Жань коснуться струн, как все тревоги и волнения мгновенно уходили на второй план. Их сыгранность становилась всё более безупречной, а музыка обретала всё более потрясающую силу.

В тот день во второй половине дня Ань Жань была полностью поглощена исполнением сонаты Равеля, когда дверь репетиционной беззвучно отворилась.

Она играла с таким увлечением, что ничего не заметила.

Лишь когда замер последний аккорд, в пустой комнате раздались сдержанные, лёгкие аплодисменты.

Вздрогнув от неожиданности, Ань Жань обернулась и встретила взглядом с парой лучистых, глубоких глаз миндалевидной формы. Сыту Яо неизвестно когда уже стояла у неё за спиной.

Сегодня она была одета в бежевый костюм от кутюр, который сглаживал её привычную холодность и жёсткость, добавляя ей мягкой, интеллектуальной красоты. Она ничего не говорила, а лишь молча смотрела на Ань Жань. В этом взгляде читалось не только восхищение искусством, но и... нечто большее — нескрываемое, заставляющее Ань Жань краснеть и замирать от смущения привязанность.

Ты... когда ты пришла? — Ань Жань в некотором испуге поднялась с места, и её белоснежные щеки мгновенно залились подозрительным румянцем.

Когда ты играла вторую часть, — Сыту Яо медленно приблизилась к ней, и её взгляд с лица девушки, ставшего еще более наивным и милым от напряжения, соскользнул на Дюпор, зажатый в её руках.

В твоих руках он звучит лучше, чем я себе представляла. — Сыту Яо протянула руку, и её кончики пальцев легко скользнули по гладкой деке Дюпора, но в конце концов остановились на белых пальцах Ань Жань, прижимавших струны.

Кончики её пальцев были ледяными, тогда как пальцы Ань Жань сохраняли тепло от долгих занятий.

Это соприкосновение холода и тепла заставило Ань Жань вздрогнуть всем телом, словно от удара током, и она резко отдернула руку.

Глядя на то, как она испуганно ёжится, напоминая перепуганного оленёнка, Сыту Яо улыбнулась еще теплее.

Развивать эту тему дальше она не стала, а вместо этого достала из сумочки маленький серебряный термос и протянула его Ань Жань.

Ты столько занималась, должно быть, в горле пересохло. Выпей немного.

Что это? — рефлекторно перехватила термос Ань Жань. Корпус сосуда еще хранил тепло.

Груша, архат и немного пицобы, — спокойно ответила Сыту Яо. — Для смягчения горла.

Ань Жань отвинчивала крышку, и в лицо ей сразу пахнул чистый, сладкий и нежный аромат. Она осторожно сделала глоток, и теплая жидкость скользнула по горлу, мгновенно унимая першение, вызванное нервным напряжением. Сладость оказалась идеальной — с легким грушевым ароматом и неповторимым привкусом архата.

Очень вкусно, — искренне восхитилась она.

Я сама его сварила, — бросила Сыту Яо, глядя на неё с напускной небрежностью.

Кхе-кхе-кхе! — Ань Жань так поразили эти слова, что она чуть не поперхнулась только что сделанным глотком сладкого отвара.

Она широко распахнула свои чистые глаза и с недоверием уставилась на Сыту Яо.

Сам... сама сварила?

Такая женщина, как Сыту Яо, которая с виду и пальцем о палец не ударяет, а питается лишь блюдами от лучших шеф-поваров высшего класса, действительно лично сварила для неё смягчающий горло отвар?

Это осознание потрясло её куда сильнее, чем подаренный Сыту Яо Дюпор.

Ты так удивлена? — Сыту Яо, казалось, была в прекрасном настроении, наблюдая за её ошеломленным видом. — Я же говорила, я врач. Готовить подобные вещи — моя профессия.

И снова то же самое.

Ань Жань заметила, что Сыту Яо всегда с легкостью находила столь неоспоримый довод, чтобы придать любому двусмысленному поступку совершенно разумный и естественный вид.

Она прижимала к себе маленький термос, чувствуя, что он стал тяжелым, как тысяча цзиней. Тепло, исходившее от корпуса, проникало через ладони и шаг за шагом так сильно обжигало её сердце, что в мыслях воцарился полный беспорядок.

Почему не пьёшь? — заметив, что она застыла в задумчивости, Сыту Яо слегка приподняла бровь.

Н-ничего, — Ань Жань торопливо сделала еще один большой глоток, пытаясь скрыть смущение быстрым глотательным движением.

Но она пила слишком поспешно, и одна хрустальная капля сладкого отвара скатилась по уголку губ, замерши на маленьком и изящном подбородке, переливаясь в лучах заходящего солнца манящим янтарным блеском.

Ань Жань еще не успела сообразить, что к чему, и уже собиралась поднять руку, чтобы вытереться.

Однако ледяная рука опередила её: она зажала её подбородок и слегка приподняла его.

Сыту Яо неизвестно когда подалась вперед, оказавшись донельзя близко к ней.

Настолько близко, что Ань Жань отчетливо видела её длинные загнутые ресницы и ощущала всё более густой аромат, в котором смешались запах больничного антисептика и прохладные нотки духов.

Под совершенно ошеломленным, окаменевшим взглядом Ань Жань.

Сыту Яо слегка опустила голову и кончиком языка легко, медленно втянула в рот ту хрустальную капельку сиропа на её подбородке.

В этом движении сквозила предельная, заставляющая сердце трепетать чувственность и двусмысленность.

Мда, — выпрямившись, Сыту Яо провела языком по тонким губам, на которых еще блестел влажный след. Она прищурила фениксовы глаза, глядя на сидящую перед ней розововолосую девушку, которая совершенно лишилась дар речи и покраснела так, будто готова была истечь кровью, и хриплым, опасным голосом, оценивая её словно элитное красное вино, тихо произнесла:

Сладльче, чем я думала.